

Идеяльные пробуждения

Как же нам бороться со сном — этим извечным противоречием прогресса?

МНОГИМ, наверное, известно, что самые смелые идеи, самые удачные решения, самые гениальные мысли приходят в голову за несколько мгновений до того, как ты проваливаешься в сон. А утром только и помнишь, что нечто посетило тебя, и было великолепным в своей простоте, но что это было — нет никакой возможности припомнить. Считанные единицы способны настолько вдохновиться посещением Идеи, чтобы поменять на ее пристальное обдумывание ласковую постель, но именно они, как свидетельствует история, и есть те гении, что движут человечество вперед — во всех областях, от поэзии до молекулярной химии.

Не оттого ли, кстати, у них такой растрепанный и возбужденный вид, что они мало спят? Взгляните хотя бы на знаменитый портрет Эйнштейна. Ведь совершенно очевидно, что как только он смыкал глаза, на него тут же налетала очередная светлая Идея, тормошила его, заставляла вздрагивать, хвататься за ручку. И снова кофе, снова ерошение волос, снова навязчивая беготня за ускользающей мыслью. Вот догнал, ухватился, зафиксировал! Вроде бы, можно расслабленно зевнуть — мол, теперь не убежит, а утром разберемся, — взбить подушку и на боковую... Так нет же! Едва он пустит первый полусонный пузырь изо рта, как Идея уже тут как тут: «Вставай, Эйнштейн, гляди-ка, еще как бывает!» И вскакивает послушный Эйнштейн, и снова трет глаза, и радостно охватывает мысленным взором Вселенную. И Вселенная платит ему добром за неутомимость, подкидывает всякие тайны про себя, всякие там $E = mc^2$.

Она и другим подкидывает, и тебе, и мне. Но мы в этот самый момент подкидывания, к сожалению, спим. Улыбаемся, конечно, во сне, радуемся открывающимся красотам и откровениям, впечатляемся сложной простотой жизни, гордостью наполняемся за причастность к величии и великолепию мира, но... утром ничего не помним. Или помним, что снилось что-то прекрасное, но настолько схематично помним, что, пытаясь описать это, только мычим, слюняво перебираем губами и мечтательно закатываем глаза. Обидно. Ведь то, что нам открывалось, и есть та самая суть бытия, то самое сокровенное и божественное, к чему человек испокон веков стремился, осознанно или подсудно.

Как же нам бороться со сном — этим извечным противником прогресса? Давайте разберем несколько способов. Может, какой-то из них и поможет нам вырваться из чар Морфея и выдать-таки на-гора нечто замечательное.

Итак, как только вы почувствуете, что Идея приходит, что она хороша, и что ее надо бы зафиксировать в интересах человечества, но одеяло связывает вас по рукам и ногам:

1. Скажите себе: «Да ведь я газ на кухне не выключил!» Пусть вы знаете, что это не так, что выключение газа контролируют как минимум четверо — жена, дочь, теща и врожденное чувство ответственности, — ну и что! При достаточной силе воображения эта страшная мысль должна так вас подкинуть, что от сна не оста-

нется и следа. И тогда уже хватайте ручку, бумагу и вперед — на освоение Вселенной.

2. Толкните супругу локтем и во всю свою сонную мочь заорите: «Ты на работу проспала, быстро вскакивай!» После того как жена вскакивает, умоется и даже в полубоморочном состоянии успеет навести какой-никакой макияж, она обнаружит подтасовку и, будьте уверены, устроит вам такой скандал с упоминанием всех вавших предыдущих и будущих грехов, что сон ускользнет от вас быстрее, чем бодрая муха от мухобойки. Вот тогда вы уже вынужденно встанете и займетесь преобразованием жизни на Земле, если, конечно, после всей этой выволочной свистопляски вспомните, чего вы там собирались преобразовывать.

3. Скажите себе: «А пойду-ка я на кухню, чтобы тщательно обдумать план какой-нибудь жуткой пакости соседу!» Поверьте на слово (а впрочем, зачем верить, вы и сами это наверняка знаете), желание обдумать пакость ближнему своему гораздо действенней, чем желание усовершенствовать род человеческий (хотя это,

в принципе, наверное, одно и то же). Такая постановка вопроса мгновенно стряхнет с вас остатки сна и продержит мозг в состоянии возбуждения как минимум час. А этого времени как раз достаточно, чтобы попытаться вспомнить, что за глупые благие идеи мешали вам спать. Только будьте осторожны, используйте мысль о пакостях только в качестве повода для пробуждения, потому что увлечься пакостями легче, чем кажется, и вы можете уже никогда не вспомнить о благих намерениях. Будете тогда каждую ночь, ако тать в ночи, упиваться планированием мерзостей.

А это весьма утомительно, да и просто вредно для преобразователей жизни.

4. Уроните на пол специально поставленную на прикроватную тумбочку фарфоровую вазу. Дальше — понятно. Но этот способ рекомендуется использовать только если вы абсолютно уверены, что Идея, которая намекает вам на свое посещение, стоит больше или хотя столько же, сколько ваза. Еще одно «но»: не забудьте, что вам придется доказать супруге, что доход от Идеи перекроет стоимость вазы в несколько раз, причем буквально в ближайшие несколько часов. Поэтому пользуйтесь этим экстраординарным методом лишь при по-

сещении прибыльной прикладной Идеи.

5. Обожгите руку специально приделанной к стене факелом или не менее специальной лучиной (в зависимости от широты ваших взглядов или ошибочности самооценки). Опять же, учитывая болезненность этого способа, пользуйтесь им лишь при посещении блестящей Идеи о заживлении ожогов. Если же воспользоваться факелом для разработки, например, вакцины от тараканов, то вы сами будете не рады: вакцину-то вы, может быть, изобретете, да только боль от ожогов сожрет всю радость от изобретения.

Вот такие примерно существуют способы пробудить в себе те гениальные задатки, которые дремлют в каждом из нас, в буквальном смысле дремлют вместе с нами и, к сожалению, в огромном количестве погибают во сне. А ведь если бы мы заставляли себя просыпаться при каждом явлении Идеи — какая жизнь настала бы тогда! Мы бы уже сейчас жили не в двадцать первом веке, а, наверное, в двадцать втором, а то и — ой, даже страшно представить — в двадцать пятом! Так что не дремлем, граждане-горожане, не дремлем! Ворошим свое подсознание, тащим наружу все доброе, что спряталось внутри нас — спряталось, к еще одному великому сожалению, очень, очень глубоко.

Геннадий АМИНОВ.

Не ниже, а выше колена

МЕДИЦИНСКИЕ БАЙКИ

Историю рассказал мой отец, которому я верю как себе, а значит, все нижеизложенное — чистая правда.

После окончания мединститута мой отец работал в небольшом районном центре — городке, где все друг друга знают. А профессия врача — одна из самых уважаемых. Об этом знали все, кроме гаишника Пэтра.

Пэтро любил останавливать хирургов, потому что знал их привычку снимать послеоперационный стресс антишоковым раствором (кто не знает состав: 50 процентов спирта, 50 процентов — глюкозы). Врачи за это пристрастное отношение отвечали Пэтру взаимностью, беда была

в том, что Пэтро имел конституцию былинных Ильи Муромца, Алеши Поповича и Добрыни Никитича вместе взятых, не болел вообще и к врачам обращался только за тем, чтобы забрать права или лишить месячного заработка (на выбор).

Но случилось Пэтру останавливать мотоциклиста-нарушителя оригинальным способом. Видя отсутствие реакции на требование его (Пэтра) жезлом остановиться, Пэтро, недолго думая, прыгнул на мотоциклиста, прижав его к земле всеми своими 150 килограммами. После инцидента мотоциклист попал в хирургию с переломами, а Пэтро, сопровождавший бедолагу-нарушителя, решил зайти к дежурному хирургу на предмет проверки своей правой ноги (после недавнего

столкновения с мотоциклом она у него побаливала). Трудно описать словами внутреннее ликование хитурга при виде Пэтра на кушетке с задранной штаниной и испуганными глазами. И трудно описать самообладание ентова же хирурга, чтобы сие ликование не выразить радостным воплем или гримасой счастья. Хирург сделал паузу, тщательно моя руки, затем подошел к «больному». Внимательно выслушал, где болит, вставив зачем-то фонендоскоп в уши, чего-то там послушал. В коленке Пэтра и, покачав от безысходности головой, взял тубик с йодом и нарисовал спирочной полоску, отчертив часть ноги Пэтра ниже колена.

— Извините, Пэтро Иванович, нужен консилиум, — сказал хирург

и вышел из кабинета, еле сдерживая смех.

Одурев от страшного слова «консилиум» и однозначного знака на ноге, означającego ампутацию ноги до колена, Пэтро сидел и ждал, что будет дальше. В это время перед дверью кабинета послышались сдавленный смех и возня. В кабинет с серьезными лицами зашли другой хирург и главврач. Посмотрев на маркировку йодом на колене, они возмущенно вытерли ее ацетоном, ругая между собой некомпетентность молодого хирурга латинскими словами. Пэтро понял, что произошла врачебная ошибка, что молодой хирург незаконно хотел изъять его (Пэтра) собственность, к которой он уже так привык. Цвет лица Пэтра стал из зеленовато-белого приобретать его исконный бу-

Слышали анекдот?

В загс приходит женщина:
— Вот, хочу зарегистрировать новорожденного. Уже мой четырнадцатый.
— Хорошо. Ваша фамилия?
— Сидорова.
— А ваш муж — тоже Сидоров?

— Не, он мне не муж.
— То есть отец вашего ребенка вам не муж?
— Ну да. Вообще-то он отец всех моих детей, но мы не женаты.

— Странно. Четырнадцать общих детей, а вы за ним не замужем.

— Ну не нравится он мне как мужчина.

Опыт всегда приходит сразу после того, как был нужен.

Он:
— Солнышко, ты будешь кофе?

Она:
— Да, дорогой!

Он:
— Да нет, это я сам с собой разговариваю...

Нас часто спрашивают, что лучше: пиво или «Клинское»?!

Матч Россия—Бразилия. После первого тайма — перерыв. Раздевалка бразильцев.

— Парни, мы должны их порвать! Мы сделаем это?!

— Да-ааа!

— Покажем сегодня нашу лучшую игру?!

— Да-аа!

Раздевалка наших. Тишина. Все сидит, молчат.

Тут что-то в углу зашуршало, все вздрогнуло. Наш тренер:

— Спокойно, ребятки, не волнуйтесь. Пока мы здесь, нам никто не забудет.

— Сынок, ну когда же ты станешь взрослым? Все в игрушки играешь: то кораблики, то лодочки, то самолетчики, то ракетки... Перед соседями неудобно, они говорят: «Стране нужен руководитель».

— Молодой человек, ну как же вы так, продали свои печень, почки, костный мозг, два литра крови, 55 процентов кожного покрова и правый глаз на трансплантацию. А как же вы теперь сами-то жить будете?

— А че? Десять баксов-то они не лишние.

ряковый оттенок. Тем временем хирург и главврач, дотерев йодную линию, извинились перед Пэтром, мол, врач молодой, опыта еще мало, мол, линию надо было чертить НЕ НИЖЕ, А ВЫШЕ КОЛЕНА...

Придя в себя после обморока Пэтро уяснил для себя две вещи:

1. Врачи, подумав, решили лечить ногу и обойтись без ампутации.

2. Труд хирурга несет в себе такое нервное напряжение, что не стоит пренебрегать средствами снятия стресса, даже если это антишоковая жидкость.

После этого права у этих самоотверженных людей Пэтро больше не забирал.

Иван ПЕТРОВ.